

Рыжков Денис Леонидович

ПОИСК ИСТИНЫ ПЬЕРА ГАССЕНДИ И СХОЛАСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Статья посвящена критике схоластической традиции построения умозаключений со стороны выдающегося французского философа Пьера Гассенди. Показана метаморфоза взглядов Гассенди на использование философского наследия Аристотеля: от неоднозначности толкований некоторых положений в целях софистической полемики к поиску метода познания. Подчеркнуты критикуемые Гассенди моменты в толковании философских концепций, не утратившие актуальности и сегодня как для научного, так и для обыденного познания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/41.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. С. 154-157. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 02.91.91

Статья посвящена критике схоластической традиции построения умозаключений со стороны выдающегося французского философа Пьера Гассенди. Показана метаморфоза взглядов Гассенди на использование философского наследия Аристотеля: от неоднозначности толкований некоторых положений в целях софистической полемики к поиску метода познания. Подчеркнуты критикуемые Гассенди моменты в толковании философских концепций, не утратившие актуальности и сегодня как для научного, так и для обыденного познания.

Ключевые слова и фразы: Пьер Гассенди; схоластика; Аристотель; Декарт; истина.

Денис Леонидович Рыжков, к. филос. н.
*Кафедра философии и культурологии
Московский государственный горный университет
ryzhkovdl@mail.ru*

ПОИСК ИСТИНЫ ПЬЕРА ГАССЕНДИ И СХОЛАСТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ©

Пьер Гассенди начал свою ученую деятельность в качестве преподавателя схоластического аристотелизма, но впоследствии он становится противником схоластических философствований. Его изыскания в понимании истинности знания стали личностным выражением перехода от одного исторически определенного способа философствования к другому.

Опираясь на внешний человеку мир как источник всех знаний, он полагал, что рассудок выступает посредником между ощущениями. Несмотря на то, что он был эпикурейцем и критиком учения о врожденности идей, Гассенди трудно причислить к материалистам, ведь для него вопрос о существовании Бога не стоял не только как для священнослужителя, но и как мыслителя: «Замысел Священного писания состоит не в том, чтобы сделать людей физиками или математиками... Оно говорит о вещах согласно тому, как они вульгарно представляются людям, для того, чтобы всякое существо, поскольку это важно для спасения души, могло бы понять эти вещи» [4, с. 35]. Скорее, он был ярким примером философа Франции XVII века, когда на методах естественных наук строился общий подход к познанию, в то время как вопросы смыслов, морали и ценностей являлись прерогативой церкви. Отсюда и принцип двойственности истины: пригодное для спасения души непригодно для научного объяснения природы, с позиций которого Гассенди неоднократно предстояло отвечать на критику в свой адрес, в том числе со стороны сторонников геоцентрической модели мира.

Для Гассенди критика схоластики – это возражение против той системы мышления, в которой он становился, взрослел и получал знания. Естественно, что для такого разрыва необходимы были веские основания. Учитывая, что критика схоластики для Гассенди была связана с опасностью, а священный сан был призванием, несогласие с учением аристотеликов могло иметь только гносеологические основания.

Как всякий мыслитель, терзаемый противоречиями мироустройства, Гассенди начинает с простого вопроса о том, что *если философия есть путь к истине, то по какой причине крайне мало людей постигают эту самую истину*, несмотря на то, что для аристотеликов она уже давно обретаема? «Чем объяснить, – спрашивает Гассенди, – что даже днем с огнем нельзя найти настоящего философа, между тем как нас со всех сторон осаждает столько людей, занятых рыночными делами?» [2, с. 23]. К великому сожалению, этот вопрос стал даже более актуален в наши дни, нежели во времена его автора.

Гассенди приходит к выводу о том, что аристотелики заменили первую цель философии, состоящую в поисках истины, искусством спора, превратив философию из мастерской добродетели в питомник полемических сочинений. Действительно, то, о чем говорит Гассенди, было неотъемлемой частью схоластической образовательной культуры. Так, в иезуитских колледжах основным стимулирующим средством обучения было соревнование, победители диспутов отмечались внешними знаками отличия – торжественным распределением призов, лентами, медалями и т.д. Лавры, приобретенные в качестве награды за труд, можно выставить напоказ в каком-нибудь видном месте. Отличившиеся в диспутах и достойном поведении сидели на почетных местах, им присваивались особые школьные звания (цензоры, преторы, декурионы) или имена греческих и римских героев, отстающие же ученики располагались на позорной скамье, получали различные прозвища типа «дурацкий колпак», «ослиные уши» и т.п.

В такой системе хорошим философом считался не тот, кто более добродетелен, а тот, кто является хорошим спорщиком. «Разумеется, я не отрицаю, что открытию истины способствуют те частные собеседования, участники которых, отбросив произвольные мнения, далекие от страстей и от того, чтобы домогаться неверной и ненадежной благосклонности толпы, спокойно обмениваются мыслями, так что получается настоящее исследование истины и ни один из собеседников не откажется отступить от своего мнения, если откуда-нибудь блеснет луч более верного ее подобия. Но такие сборища, когда дискуссии превращаются в публичные зрелища, на которые народ сходится в качестве зрителя и где господствует одно лишь страстное желание – победить и ни за что не отступить, – разве могут они быть настоящим исследованием истины?» [Там же, с. 26].

Таким образом, Гассенди констатирует, что существующая система схоластических измышлений давно уже имеет целью только блеск в споре, и более того, диспуты превращаются в баталии с участием невежественной

публики, которая только и реагирует на изобретательность в словоблудии и красноречивом упоминании чего-то малоизвестного, не имеющего отношения к предмету диспута.

Гассенди продолжает: «Теперь, когда мы изложили, какую цель ставят аристотелики перед своей философией, посмотрим, насколько хорошо с ней согласуется все остальное. Прежде всего, они всех серьезных авторов изгнали из своих школ, словно небоеспособное население – из осажденного города. Ведь мы не видим, чтобы в этих школах читались и комментировались Платон, Марк Туллий, Сенека, Плиний, Плутарх и другие, которые, конечно, во многом могли бы содействовать усвоению мудрости» [Там же, с. 28].

В самом деле, схоластическая система образования того времени из всего богатого философского наследия античности избрала именно Аристотеля в силу двусмысленности положений в некоторых его работах. Однако сам Аристотель, имея дело с весьма сложными вопросами бытия, разрешение которых в его время могло быть только умозрительным и гипотетическим, не давал строгих суждений там, где это было бы спекулятивно. Так, сборник «Органон», посвященный вопросам логики, содержит двойственные положения, например теория определения, разработанная Аристотелем. Однако, по утверждению самого Гассенди, книги, в которых Аристотель выражается с наибольшей ясностью, аристотеликов не интересуют, что только доказывает их равнодушие к вопросам истины. Гассенди также указывает на то, что математика, как наиболее точная часть философии, не теряющая словоблудия, совершенно чужда схоластам.

Источником нежелания двигаться вперед в познаниях Гассенди считает отсутствие веры в собственные силы: «аристотелики, почитая своего предшественника – Аристотеля – как некоего бога, сошедшего с неба и открывшего людям истину, не осмеливались отступить от него даже на шаг; и, таким образом, не веря в свои собственные силы, они забросили исследование самих вещей и занялись лишь пустой болтовней вокруг да около писаний и слов Аристотеля» [Там же, с. 43].

Сам же Аристотель, наследие которого представляет собой одну из вершин античной философской мысли, не подавал никогда такого примера, его целью всегда была истина, о чем можно судить уже по широко известному его изречению: «Платон мне друг, но истина дороже». Гассенди прекрасно понимал это: «Аристотель изучал философию под руководством Платона, которого весь тот век единогласно признавал божественным философом, Гомером среди философов. Почему же Аристотель отважился так смело отступить от взглядов своего учителя и выдвинуть положения, столь противоречащие учению Платона? Безусловно, потому, что он знал, что настоящий философ не должен быть в плену какого-либо мнения, а должен оставлять за собой свободу поисков чего-то более близкого к истине и ухватиться за это, если оно будет вдруг обнаружено. Так мог ли Аристотель ожидать, что позднейшие поколения будут по отношению к нему руководствоваться иными нормами, чем те, которыми он руководствовался по отношению к Платону и к более древним мыслителям?» [Там же, с. 50].

В подтверждение Гассенди приводит утверждение самого Аристотеля: *«Нам представляется наиболее правильным и необходимым, чтобы всякий человек, а в особенности философ, во имя истины отказывался от своих собственных взглядов (курсив мой – Д. Р.)*. Эти взгляды могут быть близки и дороги не менее истины, но высший закон требует, чтобы истине было отдано предпочтение» [Там же].

Далее в цитируемой здесь работе Гассенди последовательно излагает претензии как к комментариям, так и к переводам аристотелевских работ, говорит о неопределенностях в принадлежности Аристотелю некоторых работ, ошибках переписчиков и т.д.

Причины такой власти схоластического способа философствования кроются не только в инертности мышления, но и в интересе политических элит того времени. В условиях Франции XVII века – века последней видимой победы абсолютизма над третьим сословием, когда понимание причин и следствий природных явлений неуклонно демонстрировало бы деятельную роль человека в мире, схоластический образ мышления был одним из бастионов феодального мироустройства.

Возражая схоластической культуре философствования, Гассенди осторожно оценивает и новые воззрения к поиску истины, главным из которых в его эпоху стало картезианство. В учебниках по общему курсу философии имя Пьера Гассенди чаще всего не упоминается, между тем картезианство становится более понятным именно через исследование его критических замечаний в адрес рассуждений Декарта.

Все началось с того, что Декарт направил своему другу и товарищу по коллежу Ля Флеш, выдающему естествоиспытателю того времени Марену Мерсенну на отзыв свою работу «Метафизические размышления». Мерсенн послал этот трактат Гассенди с просьбой подвергнуть его критическому анализу, что и сделал Гассенди, переслав Декарту письменное изложение своих замечаний. Стоит уделить внимание манере, в которой они были изложены, так как это слишком много говорит об авторе, а личность философа неотделима от его учения. Первую часть своих сомнений, посланных Декарту лично, Пьер Гассенди начинает следующим образом:

«Пользуясь случаем писать, Пьер Гассенди шлет высокопочтимому мужу Рене Декарту привет.
Достойнейший муж!

Наш высокопочтимый Мерсенн осчастливил меня, дав мне возможность ознакомиться с твоими возвышенными размышлениями о первой философии. Значительность темы, острота твоего ума и изящество изложения мне чрезвычайно понравились. Вот почему я от всего сердца поздравляю тебя с тем, что ты с таким выдающимся мужеством и столь успешно взялся за расширение границ наук и исследование вещей, которые были неизвестны прошлым векам. Меня огорчило только одно – то, что Мерсенн, пользуясь правом дружбы, потребовал, чтобы я написал тебе в случае, если бы у меня зародились или остались какие-либо сомнения.

Ведь я предчувствовал, что обнаружу лишь недостаток ума, если не соглашусь с твоими доводами, или, еще того более, легкомыслие, если осмелюсь хотя бы пикнуть им в возражение.

Тем не менее я уступил настояниям нашего друга, ибо полагал, с одной стороны, что ты справедливо оценишь намерение, которое исходит скорее от него, чем от меня; я знал, что свойственное тебе чистосердечие побудит тебя легко поверить, что я не имел иного намерения, как лишь откровенно изложить тебе основания моих сомнений» [1, с. 399].

В первых возражениях Гассенди поддерживает намерение Декарта отделаться от всякого рода предрассудков, но выражает недоумение тем, почему Декарт не идет по пути переоценки уже известного, а объявляет все это ложным, тем самым создавая опасность новых предрассудков. Иначе говоря, речь идет о выборе между критической переоценкой всего известного знания и созданием принципиально нового подхода для извлечения достоверного знания. Декарт, как мы уже видели, идет по второму пути, Гассенди не видит в этом необходимости, считая более достойным искренности философа «говорить о вещах просто, искренне и представлять их такими, каковы они есть, чем прибегать к хитросплетениям, гнаться за призраками, искать увертки» [Там же, с. 401].

Для Декарта исходным пунктом процесса познания и достижения истин являлась уверенность в собственном существовании через уверенность в своем сомнении. Из всех атрибутов нашего существования Декарт оставляет мышление, так как только оно необходимо для сомнения. Гассенди возражает на это: «...ты устанавливаешь, что всякий раз, как ты произносишь или мыслишь положение: “я есмь”, “я существую”, это положение истинно. Однако я не вижу, чтобы для этого тебе понадобилось такое построение, ибо ты, несомненно, существовал и в силу других причин, и то, что ты существуешь, было достоверным; ведь тот же вывод ты мог сделать на основании любого другого своего действия, ибо естественный разум нам говорит, что все, что действует, существует» [Там же, с. 402].

В картезианских положениях ответ на этот вопрос уже содержался: «Под словом “мышление” я понимаю все то, что совершается в нас осознанно, *поскольку мы это понимаем* (курсив мой – Д. Р.). <...> Если я скажу “Я вижу...” или “Я хожу, следовательно, я существую” – и буду подразумевать при этом зрение или ходьбу, выполняемую телом, мое заключение не будет вполне достоверным; ведь я могу, как это часто бывает во сне, думать, будто я вижу или хожу, хотя я и не открываю глаз, и не двигаюсь с места, и даже, возможно, думать так в случае, если бы у меня вовсе не было тела. Но если я буду разумеать само чувство или осознание зрения или ходьбы, то, поскольку в этом случае они будут сопряжены с мыслью, коя одна только существует или осознает, что она видит или ходит, заключение мое окажется вполне верным» [3, с. 100]. Здесь подчеркивается разделение чувства как следствия восприятия от чувства, *мыслимого сознанием*, а коль скоро мысль одна только и существует, то только в ней и может что-то признаваться за действительное. Но Гассенди, в манере общения с душой, размышляет: «...ты обманываешься, когда тебе кажется, что, не пользуясь глазом, ты чувствуешь то, что на самом деле без глаза чувствовать невозможно; однако ты не всегда впадала в подобный самообман; и конечно, ты пользовалась глазом, с помощью которого ты чувствовала и почерпала те образы, которыми ты теперь можешь пользоваться без его содействия» [1, с. 406]. Это очень меткое замечание, и трудно его считать неверным. Ведь, в самом деле, даже когда мы спим или нам кажется, будто с нами что-то происходит, то все эти картины собираются из тех образов, *которые когда-либо отпечатались в нашем сознании из реальности*. Более того, искажение этих образов может быть объяснено свойством самого отражения, когда образ при своем создании уже не соответствует отражаемому предмету, но сознанию об этом неведомо.

Нужно отметить, что это замечание Гассенди в адрес картезианства настолько значимо, что можно говорить о том, что при жизни Декарта фундамент его положений был серьезно раскритикован. Декарт, создавая свой метод, очертил проблемы познавательного подхода ко всякому знанию, что для гносеологии будущего имело и имеет большое значение. Критические оценки Гассенди, несмотря на очевидную справедливость в ряде случаев, никак не умаляют значения метода Декарта, лишь только расширяя возможности для решения этих же задач в условиях, когда картезианских положений окажется недостаточно. И судя по пафосу вступления к своим сомнениям, Пьер Гассенди прекрасно понимал либо чувствовал это.

Гассенди указывает на недостаточность предложенного Декартом критерия истинности: «...ты заключаешь, что можешь установить следующий общий критерий: истинно все то, что мы воспринимаем очень ясно и отчетливо. Правда, до сих пор не сумели найти более надежного критерия истины среди тьмы вещей; однако, так как мы видим, что великие умы, которые, казалось бы, должны были многое познавать весьма ясно и отчетливо, полагали, что истина скрыта либо в лоне Бога, либо на дне пропасти, то не дает ли это нам права подозревать, что твой критерий может быть ложен? В самом деле... о какой истине мы можем с уверенностью говорить как о ясно и отчетливо познанной, если не о той единственной, что вещи представляются таковыми, какими они представляются каждому из нас? Например, я ясно и отчетливо воспринимаю вкус дыни как приятный, следовательно, истинно то, что вкус дыни мне таковым представляется; но разве я могу на этом основании утверждать в качестве истины, что такой вкус присущ самой дыне, когда в детстве, будучи в здравом уме, я судил о дыне совершенно иначе? Нет сомнений, что я ясно и отчетливо ощущал тогда совсем иной вкус. <...> И не значит ли это скорее, что ни одна вещь не истина сама по себе потому лишь, что она была ясно и отчетливо воспринята, а наоборот, истинно лишь то, что данная вещь, как таковая, ясно и отчетливо воспринимается?» [Там же, с. 421].

Это предположение Гассенди дало общую методологическую установку на понимание того, *что* именно возможно рассматривать с точки зрения истинности: саму вещь либо ее свойство от соприкосновения с нашими ощущениями. Этот вопрос оказался не менее актуален и для наших дней, что еще раз подчеркивает методологическую основательность воззрений Пьера Гассенди.

Список литературы

1. **Гассенди П.** Метафизическое исследование, или Сомнения и новые возражения против метафизики Декарта // Гассенди П. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1968. Т. 2. 836 с.
2. **Гассенди П.** Парадоксальные упражнения против аристотеликов, в которых потрясаются главные основы перипатетического учения и диалектики в целом и утверждаются либо новые взгляды, либо, казалось бы, устаревшие взгляды древних мыслителей // Там же.
3. **Декарт Р.** Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения. Калининград: ОАО «Янтар. сказ», 2005. 352 с.
4. **Коньо Ж.** Пьер Гассенди – возобновитель эпикуреизма // Вопросы философии. 1956. № 3.

SEARCH FOR TRUTH BY PIERRE GASSENDI AND SCHOLASTIC CULTURE OF PHILOSOPHIZING

Denis Leonidovich Ryzhkov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophy and Culturology
Moscow State Mining University
ryzhkovdl@mail.ru

The author presents the criticism of speculation formation in scholastic tradition on the part of the great French philosopher Pierre Gassendi, shows Gassendi's views metamorphosis on the use of Aristotle's philosophical legacy: from the ambiguity of certain statements interpretation with the purpose of sophistical controversy to the search for the method of cognition; and emphasizes philosophical conceptions interpretation points criticized by Gassendi, which did not lose their topicality today both for scientific and everyday cognition.

Key words and phrases: Pierre Gassendi; scholasticism; Aristotle; Descartes; truth.

УДК 069:94(571.54)

Статья посвящена формированию сети сельских музеев Бурятии в 1960-2000-х гг. Основное внимание уделено наиболее известным в регионе сельским музеям, впервые представлена история их создания. Автор раскрывает содержание разнообразных форм деятельности музеев, их культурно-просветительную и научно-методическую работу, доказывает, что музеи, появившиеся во второй половине XX – начале XXI в. как общественные, являются активными очагами культуры, средством просвещения широких масс населения, удовлетворяя духовные потребности человека, стремление сельчан приобщиться к общенациональным и местным культурным ценностям.

Ключевые слова и фразы: музей; народный музей; сельские музеи; церковно-археологический музей; экспозиции.

Екатерина Владимировна Саяпарова

Центр восточных рукописей и ксилографов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирское отделение Российской академии наук
kattiseverova@mail.ru

СЕЛЬСКИЕ МУЗЕИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ©

Музейная сеть современной Бурятии – одна из основ культурной жизни республики. Более двухсот музеев располагают уникальными коллекциями экспонатов, раскрывающих историю и культуру народов, городов и сёл региона. В районах республики расположены 175 сельских музеев, большинство из которых являются школьными. В данной работе внимание уделено народным и частным музеям, деятельность которых представляет собой особую страницу в истории музейного дела Бурятии. Деятельность таких музеев не освещена в специальной литературе, основными источниками исследования послужили проведенные в районах республики изыскания: беседы с сотрудниками музеев, архивные данные, частично статьи в республиканских и районных периодических изданиях, большая часть которых относится к 1960-1980-м гг.

В конце 1960-х гг. начался, по определению специалистов, так называемый «музейный бум» или «музейный взрыв», продлившийся до начала 1980-х гг. [4, с. 163]. Этот период характеризуется увеличением роста посещаемости музеев по всему миру, в т.ч. и в СССР. Возросший интерес к музеям предопределил и, по сути, спровоцировал возникновение новых музейных образований во всех регионах страны, зачастую силами энтузиастов, не имеющих поддержки со стороны регионального руководства. Почти все виды работ, включая комплектование, осуществлялись на общественных началах.

В 1960-х гг. были созданы сельские музеи в сёлах Елань, Малый Куналей, Верхний Маргинтуй, Го-чит, Поселье, Ара-Киреть, Харлун Бичурского района; в 1965 г. – Ульдургинский народный музей